

Похороненный дважды

А.П. Вострецов
с семьёй.
Радишево

Моего отца Александра Павловича Вострецова в Радишеве мало кто знал, хотя жил он здесь не менее 20 лет. Участник Великой Отечественной войны, инвалид первой группы, он, немощный, придерживаясь за притолоку и подпрыгивая на одной ноге, каждый день выбирался на улицу. Отец не любил никого беспокоить и не хотел демонстрировать свою беспомощность.

Нам, детям, отец запомнился своей весёлостью и шутками. В Кузоватове, где мы жили раньше, к нам любили приезжать из села Никольское (это наша малая родина) приятели отца. В такие дни в избе стоял хохот.

Иногда отец брал опасную бритву, которой брился каждое утро, и начинал сам себя оперировать: вынимал осколки. Бритву предварительно держал над пламенем керосиновой лампы. Выпивал 100 граммов водки и разрезал гнойник. Иногда морщился, доставая осколок. Мы его уговаривали: иди в больницу. Он не соглашался: с такой-то ерундой в больницу? Мы со старшим братом Алексеем подходили потом к нему, жалели и просили рассказать про войну, откуда у него эти осколки.

22 июня 1941 года он был с сыном-дошкольником на базаре, покупал необходимое для хозяйства. Вдруг на базарную площадь ворвался Тимофей Лабутин на коне, одногодок отца, с криком: «Война! Меня председатель прислал. Давай все к конторе!»

Отец не стал слушать бабьи вопли, а сразу направился к конторе. Понял: началась большая и долгая война, надо идти в военкомат. Мать не проронила ни слезинки, будто окаменела. Услышав окрик отца, быстро стала собирать котомку, сшитую своими руками. Отец, одеваясь, подсказывал, что нужно

положить. Добровольцев собралось человек десять. Отправились в Кузоватовский военкомат пешком (25 км). В тот же день их оформили и вечером отправили на сборный пункт в Сызрань.

Так началась военная биография нашего отца. В его военном билете записано: участник войны с 22 июня 1941 года. 31 января 1942 года его «похоронили» в братской могиле на Украине близ хутора Бескровный Сталинской области Славянского района. Сейчас это Новороссия, многострадальный юго-восток (Донбасс). В списке погибших (безвозвратные потери) он записан под номером 114. Через месяц пришла похоронка. Стоит ли говорить, что это значило для его матери, жены, оставшейся с ребёнком на руках!

А произошло вот что. 31 января 1942 года был страшный бой. Полегла почти вся 275-я стрелковая дивизия 6-й армии, которую после этого боя формировали заново, и она воевала до конца войны, дошла до Берлина. «Как же ты остался жив, ведь вся дивизия погибла? Расскажи», – просили мы. «Долго рассказывать, – возражал отец, а потом соглашался. – Ну, ладно, слушайте. В учебниках эта операция называется как Борвенково-Лозовская. Я с первого дня в пехоте был пулемётчиком. Скоро научился стрелять так, что выигрывал пари. В бою пригодилось. Против нас

выступала хорошо оснащённая, закалённая в боях немецкая армия, а мы уже были вымотаны в боях за оборону Днепропетровска. Не хватало людей, оружия, снарядов, еды. Пополнение прибывало из необстрелянных бойцов, многие из которых гибли в первом же бою. Но сражались мы отважно. Нас становилось всё меньше. Стрелял я по фашистам: за Петра, за Николая, за всех! Оружие забирал у тех, кому оно уже не пригодится. Патроны лежали около каждого убитого. Вдруг рядом разорвалась мина, и я потерял сознание. Очнулся – темно. Страшно болит голова: контузия. Вокруг одни трупы. Увидел на подходе группу немцев. Идут свободно, не таясь, как у себя дома. Я уже немного понимал немецкий язык. Искали раненых, чтобы взять в плен, но были только тяжело раненные, которых они добивали. Шли с фонариками цепью и чем-то тыкали в трупы. Застонет – выстрел в голову. Я понял, что ранен в обе ноги, не уйти и не уползти: потерял много крови. Тогда, преодолевая боль, навалил на себя трупы и усилием воли постарался не потерять сознание, чтобы не застонать. Немцы ткнули в трупы и пошли дальше. Когда их голоса затихли, я пополз в том направлении, откуда они пришли. В сторону, где слышались звуки боя. Помню, что терял сознание и снова полз. Понимал: только движение поможет мне спастись, так как мороз всё крепчал. Ног не чувствовал, они волочились за мной, как будто не мои. К рассвету я понял, что дальше ползти не смогу. Вдруг услышал голоса: свои! И снова потерял сознание. Меня подобрала, удивляясь, как это я смог столько проползти и как вообще выжил в этом аду. Меня отправили в Сталинград, в госпиталь. Ноги я отморозил. Если бы я мог ими двигать, когда полз, наверное, сохранил бы. Военврач постарался: сохранил часть ступней. Доставать все осколки он не стал: не было времени. У тебя, говорит, их столько, что все не вытащить. Они у тебя потом выйдут. Я не знал, что часть осколков застряли в костях, и у меня развился впоследствии остеомиелит». Одну ногу отцу ампутировали уже после войны, и он стал инвалидом первой группы.

Отец дважды попадал в котлы и выходил из них. Сражался храбро, так, что даже в 1941-м, когда награды давали редко, был награждён медалями «За отвагу» и «Боевые заслуги». Медалью «За отвагу» награждали исключительно за личную храбрость, проявленную в бою.

Мария Качалина,
р.п. Радишево